

Андерсон Кирилл Михайлович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Что знали в ЦК ВКП (б) о Польше, или об истоках политических ошибок (польские материалы в фондах РГАСПИ)

Аннотация

Уинстону Черчиллю приписывают слова: «Это хуже чем преступление, это политическая ошибка». Нет властителей, которые бы их не совершали, но лишь немногие признаются в этом. Центральный Комитет ВКП (б) КПСС, генеральный штаб организации, формально негосударственной, но возведенной в статус «руководящей и направляющей силы советского общества», словом и силой поддерживал догмат о собственной непогрешимости, что не мешало ему время от времени совершать ошибки. Я хотел бы бегло коснуться темы истоков политических ошибок, не претендуя на законченные выводы и абсолютную правоту. В качестве исходного материала я выбрал фонды Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), так или иначе связанные с Польшей.

Ключевые слова: РГАСПИ, ЦК КПСС, К. Маркс, Ф. Энгельс, Польша, Коминтерн, Димитров, Суслов.

В советские времена архив именовался — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, или кратко- ЦПА. В основном он сформировался в 1928 г., как плод слияния Института Маркса и Энгельса с Институтом Ленина, директора которых, известный академик Давид Рязанов и не менее известный Лев Каменев были расстреляны. Появился Институт Маркса-Энгельса-Ленина, позже переименованный в Институт Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, менявший название еще несколько раз вплоть до августа 1991 г., когда он прекратил свое существование вместе с создавшей его партией, а архив был национализирован, став одним из федеральных архивов.

Архив учреждался как вспомогательная структура Института, отвечавшего за идеологические проекты партии, поэтому в нем собиралась ретроспективная информация. Текущий архив ЦК существовал обособленно, причем наиболее деликатные дела в ЦПА не передавались даже за давностью лет. К примеру, около 6 тысяч документов Ленина, отнесенные к идейно опасным, оставались под спудом вплоть до времен Горбачева.

Фонды архива совпадали с основными направлениями работы Института. Это коллекции документов по истории западноевропейского радикализма 18–19 вв., в том числе рукописи Маркса и Энгельса; коллекции политической гравюры и плакатов 18–20 вв., архив ЦК ВЛКСМ и два внушительных блока — архив Ко-

минтерна, объединявшего в 1919–1943 гг. около 200 коммунистических партий и архив ЦК ВКП (б) — КПСС, с момента создания партии до смерти Сталина в 1953 г. Сюда же входят и личные фонды наиболее видных деятелей международного революционного движения и Советского Союза Ленина, Троцкого, Бухарина, Сталина и сотен других. Всего в архиве около 1,5 миллионов дел, доступ к которым в советское время был практически невозможен без санкции ЦК.

Материалы, связанные с историей Польши разнообразны. Среди них коллекции документов времен Российской империи, — Союз польских рабочих социал-демократов за границей (1898–1903), Главное правление социал-демократии Королевства Польского и Литвы (1893–1918), партия «Пролетариат» (1883), материалы первых лет советской власти — ЦИК ППС-левицы в России, ЦИК Коммунистической рабочей партии Польши в России, Временный революционный комитет Польши (Польревком) (1920). Однако наибольшее число польских материалов приходится на более позднее время, — время КИ и его дочерних организаций, — Профинтерна, Крестинтерна, КИМ, МОПРа и т. д., в которых состояла КПП. Общее количество «польских материалов» трудно определить, счет может идти на десятки тысяч документов разной степени важности. К примеру, в архиве хранится более полумиллиона поздравительных открыток, направленных поляками Сталину в 1949 г., в связи с его 70-летием. Разумеется, это скорее свидетельство организаторских способностей польских властей, нежели вальсовой любви поляков, хотя кто-то мог быть вполне искренним.

Поскольку путеводители по РГАСПИ доступны, к тому же опубликовано несколько документальных сборников, связанных с Польшей, в том числе на польском языке, я не буду останавливаться на архивной «полонике». Занимательнее вопрос — каким образом информация о польских делах поступала в ЦК и почему обилие информации не спасало от неверных решений?

В начале советского периода ЦК не имел подразделения, занимавшегося сбором и анализом политической информации из-за рубежа, связанной с родственными партиями. Многие их представители находились на советской территории, выполняя, иногда непреднамеренно, роль посредников. До середины 1920-х гг., когда идея мировой революции еще не изжила себя, акцент делался на активную внешнюю пропаганду. Этим, в частности, занималось Польское бюро агитации и пропаганды при ЦК ВКП (б) (1919–1924), позже включенное в подотдел национальных меньшинств Агитпропа и Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Мархлевского. Ведение пропаганды без учета реальной обстановки в стране снижало ее эффективность, хотя следует заметить, что часть членов ПБ регулярно получала сводки НКВД, НКВД и военной разведки, не дошедшие, впрочем, даже до функционеров высшего звена.

В 1920-е–1930-е гг. главным поставщиком политической информации о Польше был Коминтерн (КИ), задуманный как международная революционная партия, куда в качестве секции входила КПП, как впрочем и ВКПб, правда вес их в этой организации был не равен. Отношения секций и Исполкомом КИ (ИККИ) напоминали систему соподчинения ЦК и обкомов,

основанную на своеобразном истолковании принципа «демократического централизма»: высшая инстанция давала указания, низшая — отчитывалась об исполнении. В массе своей директивы ИККИ писались под копирку всем партиям, без учета специфики, а ответные реляции содержали стандартные сетования на происки врагов, нехватку средств и уверенность в будущих успехах. Формальные отчеты, а таких немало, были удобны с канцелярской точки зрения, они, сознательно или непреднамеренно, подгонялись под ожидания руководства, но были малопригодны на практике.

Чиновничий принцип «оправдания ожиданий начальства» особенно ярко проявился в годы «большого террора». Намек сверху уже был директивой. Летом 1937 г. НКВД, явно подстраиваясь под волю вождя, развивает тему международного заговора троцкистов, отнесенных Сталиным к «злейшим агентам фашизма» и удостоверяет засоренность КПП агентами ПОВ Пилсудского и дефензивы, что подтверждалось так же частными доносами и выбитыми показаниями. В августе 1937 г. ПБ утверждает приказ НКВД о ликвидации польских диверсионно-шпионских групп, равнозначный ликвидации КПП. Димитров и ИККИ, формально вне зависимости от НКВД и Сталина, в ноябре 1937 г. принимают решение о роспуске КПП, решение, по словам Сталина, опоздавшее на два года. К этому времени вызванные в Союз Ленский (Лещинский), Валецкий и другие руководители КПП арестованы, а затем расстреляны. С той же стремительностью, с какой партия была уничтожена, она была восстановлена в январе 1942 г., с учетом указания Сталина: «лучше создать Рабочую партию Польши с коммунистической программой, коммунистическая партия пугает не только чужих, но и некоторых наших» (Дневник Димитрова, с. 248).

Впрочем, через год, летом 1943 г., сам Коминтерн был распущен, а его преемниками по части сбора и анализа внешней информации стали НИИ 100, унаследовавший функции Отдела международных связей (ОМС) Ки, — техническое обеспечение работы зарубежных компартий, находящихся в подполье и НИИ 205, занимавшийся иностранным радиовещанием, (польским сектором ведала С. Дзержинская), анализом зарубежной прессы, подготовкой информационных бюллетеней. Они предназначались функционерам ЦК и высшему руководству, но судя по личному архиву Сталина, он ими почти не пользовался. Причиной, скорее всего, был объем издания. Чрезмерный размер информации может сделать ее не востребовавшей. (Когда ежемесячные сводки НКВД, предназначенные членам ПБ выросли с 10–15 страниц до 50–60, пометки Сталина на них перестали появляться).

Институты просуществовали недолго. В декабре 1943 г. был создан Иностраный отдел, который возглавил Димитров, позже преобразованный в Отдел международной информации, а в 1945 г. реорганизованный в Отдел внешней политики, во главе с Суловым. Информация, ранее поставлявшаяся зарубежными партиями, в том числе КПП, теперь поступала главным образом от советских посольств и советников, подававших ее в приглаженном виде. (В справках 1949 года особо отмечались проявления любви польского народа к Сталину, что, наверное, было приятно юбиляру).

Можно признать, что значительная доля информации, поступавшей в ЦК, была подправлена под ожидания вождей, либо была формальной отпиской, а иногда отражала борьбу группировок и отдельных лиц. Обилие информации не гарантирует ее достоверности.

Сбои и просчеты были связаны и с системой доступа к информации. Не существовало единого потока информации, подходящего до всех структур ЦК. Принцип функционального распределения информации, естественный для любой организации, накладывался на систему разных уровней доступа к информации, напоминающей практику тайных обществ Нового времени, с четким разделением на профанов и посвященных разных степеней. ЦК, а вслед за ним и ИККИ, определял свои собственные критерии допуска к «партийной» информации, не совпадавшие с общегосударственными. Практически все делопроизводство ЦК было секретным, делясь на уровни секретности, от «ДСП», до совершенно секретно и ОП. Например, материалы ПБ, даже столь невинные, как план парада физкультурников, имели гриф совершенно секретно или ОП, делавший их недоступным для большей части аппарата ЦК. Равным образом, информация, поступавшая в ЦК от «закрытых» ведомств, доводилась, как правило, только до высшего эшелона. Сколь-нибудь значительные фигуры предпочитали обращаться напрямую к вождям, минуя канцелярские этажи, как например В. Гомулка, в 1948 г. объяснявший свое нежелание баллотироваться в ПБ ЦК ПОРП непосредственно Сталину. По сути дела, эта система создавала внутри одной организации, — ЦК, разные информационные поля, зачастую не соотносящиеся друг с другом. Функционеры и руководители опирались на несовпадающие источники информации, что неизбежно приводило к расхождению в оценке ситуации и расчете конкретных действий. Конечно, это неизбежные издержки любой системы защиты информации, включая применяемые коммерческими организациями, но в сочетании с бюрократическими устоями, они могли возрасти многократно, что подтверждается опытом ЦК ВКП (б).

Архипова Мария Николаевна

Студентка кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

М.П. Погодин о польском вопросе и роли Англии в его обострении

Аннотация

В данной статье раскрывается взгляд М.П. Погодина на польский вопрос и влияние внешней политики Великобритании на его обострение.

Ключевые слова: М. П. Погодин, Российская империя, польский вопрос, польское восстание, политическая публицистика, история социально-политических учений России.

Среди множества проблем, присущих внутренней и внешней политике Российской империи в XIX веке, польский вопрос традиционно занимал